

Белый котенок пищал так жалобно, что у любой молоденькой девушки слезы навернулись бы на прелестные глаза. Зачем он забрался на дерево, выяснить невозможно: как говаривали люди, зверя поймет лишь зверь — или человек, если только он колдун. Правда, Ветта Ольшанская колдовать не умела, да и глаза ее прелестными никто назвать не решался — выпученные, как у рыбы, и неопределенного, грязного цвета. Она передразнила мяуканье, закатала рукава простенького платья и приступила к спасению котенка в беде.

Довольно смело задрав подол — Ветта знала, что никто не увидит, поскольку все немногочисленные домочадцы находились в усадьбе, а до ближайшего соседа и не докричаться, — молодая госпожа Ольшанская забралась повыше и ловко схватила зверька. Ветта

спрыгнула на землю, отпустила котенка, надеясь, что он доживет до возраста, когда от него будет толк — мышей в доме водилось предостаточно, — и только потом отряхнулась. Взглянула на дерево, удостовераясь, что где-то там не стонет еще один несчастный зверек. Вздохнула. Старая ольха качнула ветвями на ветру, словно вздыхая вместе с ней.

Считалось, что это необычная ольха, чьи корни ушли в землю во времена, когда все люди были колдунами. Оттого и листья ее зеленее, и ствол крепче, и никакие морозы да засухи ей не страшны. По этому дереву называлась и усадьба, к которой теперь направлялась Ветта, просто и ясно — Старая Ольха. Путешественник, впервые услышавший это название, имел обыкновение спрашивать: «Где же Новая?» Местные привыкли отвечать: «Уже и Новая сгинула, а Старая стоит и будет стоять, пока мир не рухнет».

Деревянный домик, слывший когда-то обителью одной из самых богатых и древних фамилий Берстони, теперь походил на остов погибшего корабля. В дверях показалась Гавра — последняя служанка господ Ольшанских, старая кормилица, пережившая большинство своих питомцев, которая выступала в роли прачки, кухарки и любых других ролях, необходимых в хозяйстве в конкретный день. Помогал Гавре только ее внучатый племянник Сташ, громила, отличавшийся большой любовью к насекомым и физическому труду. Возможно, парню нравилось что-нибудь еще, но сказать об этом он просто не мог: с самого рождения Сташ глух, как пробка.

Заметив Ветту, Гавра указала сморщенным пальцем на окошко второго этажа.

— Госпожа звала, — гавкнула она, — сундук открыла. Пока ты гуляла, из Кирты кто-то с письмом прискакал.

— Что в нем было?

— Почем мне знать? — отмахнулась Гавра и поковыляла прочь, озираясь, наверное, в поисках Сташа.

Ветта легко взбежала по скрипучей лестнице и нашла мать там, где и ожидала — в светлице, у сундука с платьями.

Госпожа Берта критически осматривала наряды дочери — вернее, те, что когда-то были ее нарядами, но перешли к Ветте, как только та подросла. Зеленое платье, лежавшее на крышке сундука и безнадежно вышедшее из моды много лет назад, очевидно, не устраивало госпожу Ольшанскую, но найти что-нибудь получше она не могла. Едва Ветта появилась в комнате, мать оглядела ее с ног до головы и задумчиво заметила:

— Если одолжить денег на хорошую ткань, я смогу сшить на тебя новый наряд.

Ветта начала понимать, в чем дело, но эта мысль ей совершенно не нравилась.

— И как мы будем отдавать долг?

— Я что-нибудь придумаю.

— В нашем положении, матушка...

Госпожа Берта сверкнула небесно-голубыми глазами так красноречиво, что Ветта осеклась. Мать тем же рассудительным тоном сказала:

— Из любого положения можно выйти.

Ветта не сумела сдержаться:

— Замуж, например?

— Приструни высокомерие. Тебе девятнадцать, пора бы уже.

«Будто я этого не знаю», — раздраженно подумала Ветта, прекрасно помнившая, как гордилась ее мать тем, что начала рожать детей уже в пятнадцать лет. Маловажно, что выжили только двое, а теперь Ветта и вовсе отдувалась за всех.

Полгода назад без вести пропал Войцех, ее старший брат и номинальный глава семьи. Номинальный — поскольку, во-первых, делами занималась госпожа Берта и, во-вторых, от Старой Ольхи стараниями Войцеха остались лишь сама ольха да трое последних Ольшанских. Ветта любила брата, но унаследованные им от отца безалаберность и пристрастие к выпивке окончательно превратили имя господ Ольшанских в нарицательное.

Один из свидетелей, якобы опознавших исчезнувшего Войцеха, клялся, что тот всплыл у южного берега речки Подкиртовки, — это сказал рыбак Янко из Малой Митлицы, человек возрастной и уважаемый, поэтому его слову многие поверили. Двое других, имена которых затерялись в вихре слухов, заверяли, что господин Ольшанский напился вусмерть и очурился на заднем дворе корчмы, — правда, один упоминал «Двух батраков», а второй — «У Петера».

— Так или иначе, — продолжила госпожа Берта, — через десять дней мы отправимся к Ройде на памятную. Дух его брата как раз упокоится, и можно будет безбоязненно вспомнить о житейском. О наследниках, скажем, позаботиться.

Ветта ничего не ответила. На памятную трапезу к соседям, Ройдам, в ужасно древний замок Кирта, стоящий на берегу реки недалеко от границы с Ольшанскими, они однажды уже ездили — только тогда поминали Ройду-отца, а Гельмут, ныне покойный, жил да здравствовал,

и госпожа Берта подумывала сосватать дочь ему. Но владельца Кирты женитьба совершенно не интересовала — как и женщины в принципе, если верить другим отвергнутым невестам. Ветта не верила: у Гельмута — и это она знала наверняка от подкупленной матерью киртовской прачки — в младших конюхах ходил незаконный сын. Пока госпожа Берта могла платить прачке, в Ольхе знали даже, как зовут девку, с которой в этом месяце развлекается Ройда, но однажды деньги закончились, и оставалось довольствоваться сплетнями.

С предыдущей поездки прошло почти четыре года, и вот Гельмут лежал в могиле, а господином Ройдой звали его брата Марко, героического Крушителя Черепов. О нем почти никто не сплетничал, а изредка появлявшиеся слухи вызывали мороз по коже. Отбивший в военный поход еще до смерти отца, Крушитель Черепов вернулся лишь теперь, когда Кирта осиротела, чтобы принять наследство — то, что Гельмут, известный страстью к азартным играм, от него оставил. В этом смысле Ветта могла даже посочувствовать господину Марко, хотя ее состояние значительно скромнее, чем его: старшие братья подвели их обоих.

— Ты слушаешь? — спросила госпожа Берта. Ветта кивнула, но мать недовольно цокнула. — Вижу, что не слушаешь. Я говорю, что Марко еще нестарый, а с войны привез немало добычи. Если не вернет Ройдам бывшее богатство, то уж точно поправит дела. Всем этим нужно грамотно распорядиться... И жениться, обязательно жениться. Почему бы и не на тебе.

Ветта смолчала и на этот раз. Ответ на вопрос «почему бы и не на ней?» довольно прозрачен — она видела

его в своем отражении. Рыбьи глаза, пухлые губы и широкий плоский нос, усыпанный отцовскими веснушками, не созданы для увековечивания в портрете.

Когда вдруг пошла повальная мода на портреты, даже в покосившейся Старой Ольхе нашлось место для точного профиля госпожи Берты кисти непревзойденного Драгаша из Гроцки — на эту блажь ушли последние деньги. Несправедливость мироустройства в случае этой семьи показала себя во всей мощи: от красавицы-матери Ветта не унаследовала ничего, кроме каштановых волос и статной фигуры. Вот только до фигуры дело не доходило, поскольку всех женихов отпугивало ее лицо.

— Жаль, что Войцех не уродился воином, — вздохнула госпожа Берта. — Поход против Хаггеды оказался прибыльнее, чем все думали. Если бы он поехал, сейчас мы могли бы уже нанять батраков, чтобы земля не простаивала без дела.

«Но Войцех мертв, — подумала Ветта, — и уже все равно, кем он уродился». Если у матери оставались сомнения — трудно назвать их надеждами, — то Ветта признавалась себе в том, что никогда не увидит брата. И не только из-за слухов: ей казалось, сердце подсказывает истину. Какая разница, что убило бы Войцеха: выпивка или Хаггада — его место больше никто не сможет занять.

А Хаггада, распростертая на огромной территории у восточных границ Берстони, убивала много. Страна, о которой детям рассказывали страшные сказки, оказалась не просто союзом полудиких воинственных племен, а сильным государством, объединившимся перед лицом внешних врагов. Говорили, что хаггедские женщины сражаются наравне с мужчинами и кормят

младенцев кровью, смешанной с грудным молоком, — Ветте хотелось бы знать, в каких пропорциях.

Она с трудом представляла, когда именно и почему началась война, длившаяся, казалось, всю жизнь, хотя в действительности — лишь несколько лет. Мать и Гавра называли одни даты и причины, девушки с рынка в Митлице, основной источник новостей для Ветты, — другие, а мужчины, чьи разговоры ей удавалось услышать, — третьи. Теперь, когда вернулся Марко Ройда, она надеялась выяснить правду — хотя выйти замуж, чтобы наконец освободиться от давления матери, тоже оказалось бы очень кстати. Ветта впервые подумала о браке в этом ключе, и привычное отвращение отступило.

Но госпожа Берта заботливо вернула все на свои места.

— Найди Сташа, пусть натаскает воды. Я тебя вымою и осмотрю, а в последующие несколько дней, будь добра, воздержись от прогулок по самым грязным местам нашего владения. Накануне поездки в Кирту снова пригнать ванну. Нельзя показываться на глаза жениху в твоём обычном виде.

— Поездки? — процедила Ветта. — Мне любопытно, на чем же мы поедем, если последнюю лошадь продали прошлой весной.

— Об этом я договорилась. Нам одолжат кобылу в Митлице.

— Кобылу? Мы поедем на одной лошади?

— Строго говоря, — отметила госпожа Берта, убирая зеленое платье обратно в сундук, — это две лошади. Кобыла беременна.

Ветта развернулась, чтобы мать не увидела, как она закатила глаза, и спустилась во двор, искать

Сташа. Она в самом деле немного испачкалась, доставая глупого котенка с ольхи. Поскольку звать слуг не имело смысла, Ветта обошла усадьбу, но нигде не увидела ни старуху, ни Сташа. Подумав, она направилась по узкой дорожке, ведущей к деревне: вдруг Гавра взяла внука с собой на рынок. Тропинка проходила через небольшую осиновую рощу, в тени которой путник спрятался бы от палящего солнца. Но в последние несколько лет жара стояла редко: даже летом все время лили обильные дожди, и это крайне беспокоило землевладельцев.

Посреди рощи Ветта услышала странный звук, замерла и огляделась. Когда звук повторился — гул, похожий на коровье мычание, только намного более страшный, — она прижалась спиной к стволу осины, готовая снова залезть на дерево, если придется. Но вот совсем рядом послышалось знакомое ворчание, и Ветта с облегчением выдохнула.

— Клятые твои букашки, — бормотала Гавра, подталкивая Сташа, чтобы шел побыстрее, — детина здоровенный, а ума, что у навозника. Госпожа Ветта? — тем же тоном спросила она, будто не веря собственным глазам. — Только ведь гуляла, опять захотелось? Мать браниться не будет? Я вот, гляди, ругаю своего, совсем с этими букашками от рук отбился.

Меж стволов промелькнуло движение, а потом повторился гул. Ветта перевела дух: это все-таки мычала корова — похоже, потеряла стадо. Слуга указал на нее мясистым пальцем и потянул за собой старуху, но та будто вросла ногами в землю, и он сдался, расстроено опустив лохматую голову.

— Я как раз искала Саша, — выдохнула Ветта. —
Нужно набрать воды, искупаться.

Громила посмотрел на нее добрыми глазами и закивал, будто все услышал. Гавра костлявой рукой ткнула его в бок. Ветта почему-то задумалась о скоротечности жизни.

До памятной трапезы в Кирте оставалось десять дней.

ПОВЕШЕННЫЙ

До памятной трапезы в Кирте оставалось десять дней. Марко Ройда отсчитывал их с нетерпением: надеялся, что потом, когда дух брата найдет покой, он наконец-то сможет поспать.

С самого возвращения Гельмут преследовал его во тьме. На войне он забыл, что значит видеть сны, и даже этот неясный, зыбкий силуэт заставлял Марко просыпаться в поту. Он страшно злился на брата — за то, что тот умер, не дождавшись победы над Хаггедой, а теперь и за то, что не давал спать. Но этим утром Марко ощущал скорее растерянность, чем раздражение, потому что Гельмут вдруг заговорил.

Господин Ройда, еще не привыкший к этому статусу, позавтракал яйцами с зеленью, сидя во главе пустого круглого стола, как повелось при брате, любившем подчеркивать собственное одиночество, и направился во внутренний двор. Широкую крутую лестницу, по которой всего полгода назад ходил Гельмут, казалось, не мыли уже давным-давно, а Марко не терпел беспорядка в доме — этого ему с лихвой хватило на полях сражений.

— Свида! — крикнул он, оказавшись во дворе замка.

Управляющий Кирты, лысеющий, но еще не дряхлый мужчина с вывернутой от рождения стопой, возник будто из-под земли.

— Чем могу, господин?

— Я хочу ходить по лестнице, не опасаясь наступить в кучу крысиного дерьма.

Свида поклонился и исчез даже быстрее, чем появился, чтобы выполнить пожелание хозяина, — Марко никогда не понимал, как он так бегаёт с этим увечьем.

Управляющий с самого приезда не оставлял Ройду в покое: после него владение некому наследовать. Марко не хотел с этим разбираться, по крайней мере, не прямо сейчас, когда у него в руках находилось разваливающееся хозяйство, о чем без обиняков сообщил старику. Свида не унимался: мол, после памятной трапезы необходимо устроить смотрины и подобрать хорошую, здоровую невесту, чтобы к следующему году родила ребенка. «К чему такая спешка? — мрачно спрашивал Ройда. — Опасаешься, что и меня вдруг хватит удар?» Старик молча отводил глаза, Марко отсылал его прочь. Спустя время все повторялось вновь.

Погано от такого на душе.

В воздухе летала мерзкая пыль: Ройда откашлялся и сплюнул. На том месте, где только что стоял управляющий, оказался конюшонок Гашек, несущий в руках охапку высушенного сена. Марко поморщился, когда мальчишка опустил голову и пробормотал приветствие, — слишком живо возник в памяти образ покойного брата.

«Взгляни на меня, — велел этой ночью Гельмут. — Взгляни на меня, ты, Марко, могучий Крушитель Черепов».

Ему пришлось последовать за Гашеком, потому как они оба направлялись в конюшни. Гельмут Ворон, бойкий шестилетка, за которого, как пожаловался Свида, отдали чрезмерную сумму денег, будто почуял невысказанные намерения Марко и довольно фыркнул. Ройда не понимал, что особенного в этом коне, кроме имени — Ворон сиял белизной, как свежее выпавший снег.

Свида не мог сказать, кто и почему так назвал жеребца — продавец или сам Гельмут, — но это и не имело значения. Гашек суетился вокруг, изредка поднимая на господина перепуганный взгляд, и иногда замирал с приоткрытым ртом, будто хотел о чем-то спросить. Марко, делая вид, что не замечает мальчишку, сам оседлал Ворона и хотел уже уезжать, как вдруг за его спиной женский голосок промурлыкал:

— Доброе утро, господин Марко.

Он не обернулся, и так зная, что увидит Лянку, прачку, которая больше всех радовалась его возвращению. Что-то непонятное стало с приятной девчонкой, какой Ройда помнил ее в детстве: в прежде пустых и светлых глазах теперь будто беспрерывно тлели угли. По всей видимости, она вынашивала план по его оболъщению или подобную глупость, на которую Марко не собирался тратить времени.

— Здравствуй, Лянка. Я уезжаю в поля.

— Не смею вас задерживать. Я только хотела узнать, не нужно ли что-нибудь постирать.

— Спроси Свида, — вскочив в седло, ответил Марко, не слишком довольный необходимостью проговаривать очевидные вещи вслух.

Но Лянка не сдавалась.

— А правда, что вы, господин... — протянула она, мягко прикоснувшись к его сапогу. — Там, на войне... Болтают разное...

— Кто болтает и где их найти?

Вопросы сразу иссякли. Лянка, конечно, прежде не общалась с мужчинами, вернувшимися из похода, и не могла знать, что вернейший способ отвратить такого от себя — этим вот кошачьим тоном спросить что-нибудь о войне. Гашек предусмотрительно открыл ворота и встал возле них столбом, провожая выезжающего Марко все тем же дурацким взглядом. Ударив Ворона пятками, Ройда покинул внешние стены замка и пустил коня галопом.

В полях Марко провел почти целый день: на них кипела жизнь. По возвращении он без промедления принялся восстанавливать хозяйство, которое совершенно запустил Гельмут. Оплачивая труд батраков деньгами, привезенными из Хаггеда, он обеспечил посевы и мог надеяться на неплохой урожай. Люди благодарили господина Ройду за возможность честно потрудиться: его соседи, Ольшанские, самые крупные землевладельцы в округе, уже давно ничего не обрабатывали. Осмотрев поля и доехав почти до самой границы владения, Марко остановился, слез с коня и ненадолго отпустил его попасться. Теперь нужно подумать.

Последний сон, болезненно бледный Гельмут, проносящийся странные слова, поведение конюшонка и подозрительная озабоченность Свида не давали покоя. Марко вытащил из-за пазухи забытое письмо — причину возвращения домой. Там сообщалось о кончине

Гельмута и о том, что ему наследует младший брат, поскольку законных детей господин не оставил. Марко выучил это письмо наизусть и чаще всего вспоминал указание на причину смерти: «Господина хватил удар». Каждый раз, думая об этих словах, он все сильнее сомневался в их правдивости. Что-то здесь неладно.

Ворон ворчливо пыхтел поодаль, отгоняя назойливых мух.

Марко наконец решился.

Вернувшись в Кирту, он подождал до темноты и снова пошел на конюшню. Конь Гельмута вскинул голову, увидев нового хозяина, но не издал ни звука. И к лучшему: Марко пришел не за Вороном, а привлекать к себе внимание не стоило. Даже калитка у ворот замка не скрипнула, когда Ройда ее открывал. Ночь будто встала на его сторону.

Поля и рощи завораживали бескрайним мрачным спокойствием. Где-то надрывно выла собака, пока ее, вероятно, не пнул под ребра хозяин. Марко перешагнул глубокую лужу, бледно и грязно отражающую лунный свет.

Ройда вдруг вспомнил одного случайного спутника, с которым трясся в повозке до полевой лечебницы. Парню было не больше пятнадцати, без обеих ног по колено — сказали, что из-за хаггедской боевой колесницы. Раненому дали тряпицу и его собственный шлем — очистить от пятен и пыли. Мальчишка тер, почти не останавливаясь, в течение всего пути — а добирались они вечер, ночь и целое утро. Перед тем как провалиться в сон, Марко видел, что в блестящей поверхности новенького шлема отражается свет, а раненый чему-то улыбается. «Он умер, — напомнил себе Ройда, — не доехал до лечебницы».